

СТОУНВИК

МЕЖДУ ДВУХ СЕРДЕЦ

ЛОЕС МОРРЕН

Лоес Моррен

Стоунвик: Между двух сердец

<https://litres.ru/74651983>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я думала, самое трудное - это попасть в другой мир, освоиться в магической академии и найти общий язык с драконом. Но сварить успокаивающее зелье оказалось куда проще, чем успокоить собственное сердце.

Рядом с Рейнаром мне тепло даже под осенним дождём. Я привыкла искать его взгляд в толпе и засыпать с воспоминанием о его прикосновениях. Только теперь я ещё и считаю ступени до кабинета обаятельного преподавателя Элиаса Вейна.

Он единственный, кто понимает мой новый дар: способность замечать невидимые связи между ведьмами и драконами. На занятиях с ним я учусь доверять своим ощущениям и всё чаще забываю смотреть на часы. А Рейнар замечает гораздо больше, чем мне хотелось бы.

Между тем кристалл Стоунвика вновь даёт сбой, а следы ведут к заброшенной лесной станции. Элиас явно знает о ней больше, чем рассказывает. Чтобы разобраться в происходящем, нам троим придётся работать вместе.

Но после каждой встречи с одним мне всё труднее перестать думать о другом.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Лоес Моррен Стоунвик: Между двух сердец

Глава 1

Морвина пришла в тот момент, когда я пыталась объяснить Никиному растению, что упрямство не считается способом зимовки. Нижние листья снова пожелтели, хотя соседка клялась, что больше не делится с ним кофе. Я сидела на полу возле окна, держала горшок на коленях и собиралась проверить корни, но при стуке поспешно поднялась, оставив на юбке полосу земли.

— Если это по поводу вчерашних записей, я ещё не закончила, — сказала я, открывая дверь. — Госпожа Вереск попросила сначала составить таблицу, а таблица почему-то растёт быстрее того, что в ней описано. Но ваши тетради целы, не волнуйтесь, я даже перестала ставить рядом чай.

Ведьма посмотрела на горшок, потом на испачканную юбку и впервые за время нашего знакомства улыбнулась раньше, чем заговорила. Она принесла ещё две тонкие тетради, перевязанные бледной лентой, и пакетик сушёных листьев для Никиного несчастного подопечного. Рука, обожжённая

в подземелье, уже обходилась без повязки, однако Морвина всё ещё осторожно сгибала пальцы, будто проверяла, готовы ли они слушаться.

После той ночи прошло достаточно времени, чтобы в замке перестали говорить шёпотом. В саду высадили молодые растения, старый регулятор разобрали, а на месте треснувших плит уложили новые, слишком светлые рядом с остальными. Я уже умела проходить мимо центрального зала, не проверяя каждый раз, горит ли кристалл, хотя иногда всё-таки замедляла шаг.

— Я пришла не за отчётом, — сказала она, положив новые тетради на край стола. — Нашла описание старого курса, где людей учили наблюдать за взаимодействием ведьм и драконов, а не только за состоянием садовых каналов. Мне кажется, мы могли бы попробовать восстановить хотя бы часть занятий, если вы захотите участвовать и госпожа Вереск найдёт для этого время.

Я спросила, что именно требовалось наблюдать. Морвина раскрыла тетрадь на странице с неровными кругами и объяснила, что устойчивость союза меняется не только от мощности участников, но и от их состояния, привычек и способности слышать друг друга. Раньше человеческие помощники составляли такие наблюдения отдельно, поскольку сами не создавали лишнего отклика, а позже эту работу почти целиком заменили измерительными плетениями.

— То есть раньше кто-то действительно замечал, когда па-

ра держится только потому, что ей велели не расходиться? — уточнила я, наклонившись к странице. — Или это тоже приходилось понимать уже после того, как вокруг начинали замерзать клумбы? Простите, я не пытаюсь начать наш старый спор, просто хочу знать, к чему мы идём.

Она не обиделась, только медленно провела пальцем по полю. Сказала, что у неё самой теперь слишком много вопросов к слову «устойчивость», которое раньше казалось почти синонимом правильности. Иногда люди молчат не потому, что им хорошо, а потому, что привыкли считать собственное беспокойство опасным для остальных, и прибор видит лишь ровно удерживаемую силу.

— Я не предлагаю выносить заключения о чувствах, — ответила она, подняв на меня глаза. — Хочу понять, можем ли мы поддерживать связь, не заставляя человека соглашаться на её продолжение любой ценой. Для этого нужны наблюдения, ошибки, разговоры с самими участниками и готовность однажды признать, что удобная теория не работает.

В одном из поздних примечаний упоминался наблюдатель, который различал соединения между связанными людьми как световые линии. Я перечитала строчку, но дальше шла ссылка на отсутствующий лист, а рядом кто-то приписал, что свидетельство не подтверждено. Морвина пояснила, что собирать работу вокруг этой легенды не собирается, хотя выбрасывать непонятную запись только из-за отсутствия объяснения тоже больше не хочет.

Мы договорились начать с разбора тетрадей и нескольких встреч в неделю, не отнимая время у основных занятий. Я отдельно уточнила, что мои учебные часы не растянутся до бесконечности, и ведьма ответила, что сама попросит Вереск помочь составить расписание. Когда она ушла, я сунула нужную тетрадь в сумку, отряхнула юбку и решила, что впервые получила от Морвины предложение, после которого не хочется искать ближайшую дверь наружу.

До травоведения оставалось совсем немного времени, и я выбрала дорогу через сад. Ночные капли ещё держались на ветвях, у фонтана помощник сметал листья, а из открытой галереи доносился смех студентов, успевших позавтракать раньше меня. Всё выглядело настолько обыденно, что я позволила себе подумать о вечере, когда мы с Рейнаром собирались посмотреть его новые рисунки.

После бала мы так и не стали людьми, которым всё понятно друг о друге. Он иногда задерживал мою руку чуть дольше, чем требовалось для прощания, я училась не считать каждое его молчание тревожным знаком, и между этим понемногу возникали собственные привычки. Например, он приносил мне яблоко, если замечал, что я опять вышла без завтрака, а я уже знала, какая скамья лучше освещена для его работы после полудня.

У поворота к оранжерее спорили двое старшекурсников. Ведьма держала стопку листов, дракон пытался что-то объяснить, показывая на верхнюю галерею, и по их голосам бы-

ло ясно: каждый уверен, что другой его не слушает. Я собиралась пройти мимо, но между ними вдруг блеснула тонкая полоса света, словно солнце зацепилось за натянутую паутину.

Я остановилась так резко, что сумка ударилась о бедро. Полоса начиналась где-то возле девушкиной ладони, изгибалась перед грудью дракона и уходила к нему под воротник, хотя я не могла понять, вижу ли её поверх одежды или сквозь неё. Ведьма сжала бумаги, и свет на мгновение раздвоился, словно кто-то дёрнул струну, не рассчитав силы.

Мне стало жарко, а потом почему-то захотелось ответить резче, хотя никто не обращался ко мне. Я моргнула, отвернулась к фонтану и снова посмотрела на пару, но между ними уже не было ничего необычного. Остались только чужие лица, лист, выскользнувший из стопки, и раздражённое движение, которым дракон поднял его с дорожки.

— Ты собираешься опоздать из принципа или у фонтана случилось что-нибудь интересное? — спросила Ника, догоняя меня с двумя булочками. — Одну я предусмотрительно взяла тебе, потому что догадывалась о переговорах, затянувшихся в нашей комнате. Только сначала скажи, что сегодня тебя никто не звал спасать подземелье, я выбрала слишком неудобные туфли.

Я забрала булочку, посмотрела на подругу и спросила, не заметила ли она чего-нибудь светящегося возле споривших студентов. Ника проследила за моим взглядом и ответила,

что видит только девушку, готовую ударить партнёра расписанием по голове. Рассуждать о необычной природе такого явления можно будет после урока, а пока лучше спасти нас от Вереск, которая совершенно не уважает опоздания без образца неизвестной травы в руках.

Мы пошли дальше, но у самой арки я заметила другую пару. Девушка поправляла на плече дракона ремень сумки, что-то говорила ему и смеялась, а он смотрел так внимательно, будто вокруг не было ни студентов, ни учебных часов. Между ними на мгновение появилась мягкая дуга, гораздо шире прежней, почти прозрачная у краёв, и я чуть не уронила недоеденную булочку.

Возле двери оранжереи нам навстречу вышел Рейнар. Он задержал на мне взгляд, заметил, как я держусь за ремень сумки, и сразу спросил, всё ли хорошо, от чего мне неожиданно захотелось обнять его прямо посреди дорожки. Я сказала, что увидела странный свет в саду и после урока спрошу Вереск, а он предложил проводить меня к ней сейчас, если становится хуже.

Я покачала головой, заверив, что могу идти и вполне различаю стены. Рейнар не стал спорить, только попросил передать через Нику, если потребуется помощь, и напомнил, что вечером будет ждать у беседки. Когда он коснулся моего локтя, я машинально посмотрела на пространство между нами и не увидела ни одной нити, а потом устыдилась, сама ещё не понимая, что именно собиралась там найти.

Колокол прозвучал, когда мы с Никой уже открывали дверь. Госпожа Вереск посмотрела на наши руки, на булочку и на часы, после чего велела убрать еду подальше от образцов. Я села, разложила тетрадь и обнаружила, что вместо даты пытаюсь нарисовать две исчезнувшие линии.

Сегодня нам предстояло различить три растения, похожие так, что даже подписи на банках казались издевательством. У всех были узкие листья, сероватое опушение и слабый горький запах, но одно входило в состав восстановительных эликсиров, другое усиливало действие основы, а третье делало смесь непригодной. Вереск сразу предупредила, что полагаться на цвет, запах или одно удачное впечатление недостаточно.

— Название, семейство, отличительный признак и допустимая часть для сбора, — напомнила преподавательница, проходя между столами. — Не «мне кажется, это оно» и не «у соседки похоже», а то, что другой человек сможет проверить без вашего присутствия. В лесу у растения не будет ни удобной банки, ни желания оправдать вашу уверенность.

Ника пододвинула ко мне образец и попросила найти основание листа. Я увидела светлую жилку, уверенно записала название, а когда Вереск остановилась возле нашего стола, поняла по её лицу, что уверенность опять обогнала глаза. Преподавательница повернула веточку, показала две маленькие выемки у черешка и попросила сравнить не с соседней подписью, а с рисунком в книге.

— Это усилитель, а не основа, — сказала она, терпеливо дожидаясь, пока я замечу разницу. — Ошибка распространённая, но после приготовления настоя исправить её будет гораздо труднее. Вы сегодня уже третий раз смотрите мимо стола, Элара, и растения от этого не станут любезнее.

Я покраснела, зачеркнула неправильное название и ответила, что отвлеклась. Ника не стала подсказывать, хотя я чувствовала, как ей хочется выручить меня привычной шуткой. Пришлось заново разобрать образец, описать расположение жилок и вслух объяснить, почему я больше не считаю его тем, чем сочла с первого взгляда.

После занятия я показала Вереск рисунки и рассказала о случившемся в саду. Я выложила оба случая по порядку, но всё равно чувствовала, будто предлагаю ей поверить в собственную выдумку. Преподавательница выслушала, не глядя в тетрадь, и покачала головой.

— Этого не может быть, — произнесла госпожа Вереск, едва я закончила первое объяснение. — Во всяком случае, при том уровне подготовки и том характере восприимчивости, который мы у вас наблюдали. Вы сегодня читали что-нибудь о зрительном проявлении соединений, прежде чем увидели их в саду?

Я рассказала о визите Морвины и сразу почувствовала, как пропадает уверенность в собственном рассказе. Получалось слишком удобно: прочитать неподтверждённое примечание, посмотреть на людей и обнаружить именно то, о чём

только что узнала. Но два раза свет появился сам, раньше мысли, а неприятная вспышка раздражения у первой пары до сих пор казалась чужой вещью, случайно оставшейся во мне.

Вереск выслушала до конца и попросила повторить подробности без попыток назвать увиденное. Где я стояла, с какой стороны падало солнце, сколько длилось ощущение, менялось ли оно после поворота головы и что именно почувствовала в теле. Пока отвечала, я заметила, что её первоначальная резкость исчезла, а пальцы перестали перелистывать мои учебные записи и замерли на рисунке второй дуги.

— Я не видела мысли и не слышала слов, — добавила я, когда она спросила о голосах. — И не знаю, что означают эти полосы, даже если они вообще были, а не привиделись после плохой ночи. Мне просто хочется понять, не нужно ли перестать ходить одной по саду, прежде чем я начну всерьёз спорить с отражениями.

Преподавательница попросила меня выпить воды и некоторое время посидеть, не рассматривая ничего намеренно. Затем сказала, что знакома с человеком, которому стоит показать рисунки, но сначала мы должны закончить разбор образцов и закрыть учебную комнату. В её голосе снова появилась привычная деловитость, только теперь я уже понимала: невозможность, о которой она говорила, оказалась гораздо менее надёжной, чем нам обеим хотелось.

Я помогла убрать столы, вернула банки на места и отдель-

но проверила подпись под веточкой, на которой ошиблась. Ника у двери спросила, ждать ли нас в столовой, и Вереск ответила, что мы задержимся, но ничего опасного пробовать не собираемся. Подруга посмотрела на меня, дождалась кивка и ушла, а я подхватила сумку, ещё не зная, почему путь к объяснению обязательно должен начаться с самой длинной лестницы Стоунвика.

В человеческую башню я прежде поднималась только до учебных кабинетов. Выше лестница становилась уже, окна появлялись реже, а стены сохранили старые углубления для светильников, в которых давно никто не зажигал огонь. Я старалась не отставать от Вереск и думала, что если наверху окажется ещё одно запрещающее распоряжение, у меня будет веская причина ответить на него сидя.

На площадке под самой крышей нашлось окно с видом на все три башни. Над противоположной поворачивался драконий флюгер, по крышам скользили тени облаков, а сад внизу казался картой, на которой кто-то аккуратно расставил людей вместо условных знаков. Я невольно поискала беседку, хотя понимала, что различить Рейнара с такой высоты всё равно не удастся.

Госпожа Вереск остановилась перед дверью с табличкой «Магические взаимодействия» и постучала костяшками пальцев. Изнутри ответили, что если очередная посылка с землёй опять потеряла половину содержимого по дороге, её лучше пока оставить снаружи. Преподавательница открыла

дверь и сообщила, что сегодня доставила человека, который при должной осторожности тоже способен рассыпать землю где угодно.

За большим столом стоял молодой мужчина с закатанными рукавами и стеклянной линзой в руке. Я сначала решила, что это старшекурсник, помогавший кому-нибудь разбирать образцы, а потом заметила уверенность, с которой он отложил инструмент и шагнул нам навстречу. На нём не было ни тяжёлой мантии, ни знака связанной пары, только простая тёмная жилетка и след карандаша возле большого пальца.

— Элиас Вейн, — представился он, освобождая от книг ближайший стул. — Преподаю историю магических взаимодействий и иногда пытаюсь выяснить, почему она так упорно не учится на собственных ошибках. Если вы пришли жаловаться на лестницу, сразу признаю её важным аргументом против человеческого величия.

Я рассмеялась раньше, чем успела понять, можно ли здесь смеяться с преподавателем. Он улыбнулся в ответ, и я заметила, что глаза у него светлые, с тёплым оттенком у самой радужки, а голос звучит чуть хрипло, словно он недавно слишком долго объяснял что-то непонятливому собеседнику. Не было причины запоминать все эти подробности, однако я почему-то запомнила.

Вереск назвала меня и объяснила, что я работаю с живыми проводниками сада. Элиас кивнул, сказал, что слышал об их восстановлении, но не стал смотреть на меня с тем осо-

бленным вниманием, от которого я сразу чувствовала необходимость оправдать чужие ожидания. Вместо этого спросил, хочу ли я воды, потому что верхние этажи полезно осваивать после того, как вернётся дыхание.

Когда Вереск попросила рассказать о случившемся, я уже меньше боялась услышать, что ничего подобного быть не может. Элиас не перебивал, только иногда уточнял, где исчезала линия и ощущала ли я её продолжение после того, как переставала видеть. На словах о вспышке раздражения возле спорившей пары он перестал улыбаться и попросил показать мои рисунки.

Я протянула тетрадь, с неожиданной досадой замечая, как неумело выглядят две полосы среди исправленных названий трав. Мужчина посмотрел на них долго и внимательно, затем повернул страницу так, чтобы на неё падал свет из другого окна. После этого задал вопрос, от которого у меня неприятно похолодела спина: казалось ли, что линия натягивается именно тогда, когда один человек хочет продолжить разговор, а другой пытается его закончить.

— Я не успела понять настолько точно, — ответила я, чувствуя желание согласиться хотя бы потому, что он нашёл для странности разумные слова. — Могу сказать только, что движение было резким и после него мне захотелось сердиться, хотя до этого я просто шла на урок. Если начну додумывать подробности сейчас, они наверняка получатся убедительнее настоящих.

Элиас поднял на меня глаза и кивнул с таким явным одобрением, что я снова почувствовала тепло в щеках. Затем подошёл к шкафу, достал плоскую папку и разложил передо мной несколько старых листов. На них тянулись дуги, переплетались световые жилы, а возле одной стояла подпись, сделанная другим, гораздо более торопливым почерком: «Увидел раньше, чем понял».

Я посмотрела на лист, потом на преподавателя и услышала, как Вереск тихо выдохнула у окна. Элиас объяснил, что рисунки его собственные, а человек передо мной вовсе не ведьмак и не дракон, только наблюдатель, который однажды тоже не сумел пройти мимо необычного света. Потом добавил, что теперь ничего подобного не видит, и в его голосе впервые появилось место, которое мне не захотелось трогать вопросом сразу.

Я сидела, не отрывая взгляда от папки, и пыталась привыкнуть к тому, что невозможное уже лежит на столе в нескольких аккуратных копиях. У одной дуги стояли даты, у другой — длинные пояснения о погоде, у третьей заметки были зачёркнуты так сердито, что я невольно улыбнулась. Элиас заметил и признался, что этот лист сохранил в назидание человеку, который три дня считал отражение от водостока новым видом соединения.

— Значит, вы тоже могли ошибаться? — спросила я с облегчением, которого не удалось скрыть. — Простите, просто сегодня у меня уже был усилитель вместо основы, и не

хочется к вечеру обзавестись даром, который будет портить жизнь ещё увереннее. Он вообще умеет сначала предупредить, что сейчас собирается что-нибудь показать?

— При хорошем настроении, наверное, умеет, — ответил Элиас, садясь сбоку от стола. — Но моё хорошее настроение редко совпадало с его, поэтому предупреждать приходилось самому себе. Сначала мы проверим, что именно вы различаете, а потом будем решать, как часто стоит об этом беспокоиться.

Элиас поставил передо мной две стеклянные чаши с водой и опустил в каждую по тонкой живой ветви. Под одну подложил небольшую пластинку с уже настроенным учебным плетением, а другую оставил обычной. Он объяснил, что нигде не подключает меня саму и не собирается усиливать ощущение: если я ничего не замечу, для начала это будет совершенно достаточный результат.

Я смотрела на воду и старалась не ожидать света. Через минуту у ветви справа появилось знакомое чувство ровного движения, похожее на то, которое я замечала у корней, но видимого следа не возникло. Я честно сказала об этом, а Элиас попросил описать впечатление и только после записи подтвердил, что выбрала нужную чашу.

Во второй раз он переставил образцы, пока я смотрела в окно. Я нашла тот же отклик, ошиблась в направлении и так увлеклась объяснением, что едва не начала оправдывать промах свойствами стекла. Преподаватель улыбнулся, показал,

где пластинка касается основания, и предложил пока считать ошибку полезной, потому что она мешает нам слишком быстро поверить друг другу на слово.

Рядом с ним было удивительно легко не производить впечатления. Он не торопился превращать каждую удачу в доказательство исключительности, а каждый неверный ответ принимал с тем же вниманием, что и правильный. Когда я спросила, разве собственная утрата не мешает ему смотреть на чужие попытки, Элиас на мгновение задержал пальцы на краю папки, а затем ответил без улыбки.

— Иногда мешает, — сказал он, встретившись со мной взглядом. — Но если я буду ждать, пока перестану скучать по тому, что потерял, у меня не останется ни учеников, ни полезных занятий. Я всё ещё умею задавать вопросы и помню достаточно, чтобы помочь кому-нибудь не повторять хотя бы часть моих ошибок.

Элиас предложил обсудить дополнительные занятия после нескольких дней наблюдений. Вереск тут же напомнила о моих основных уроках и работе в саду, а он согласился начать с коротких записей, которые не потребуют задерживаться в башне каждый вечер. Я достала карандаш, чтобы отметить, что именно нужно описывать, и вдруг почувствовала, как движение у живой ветви справа изменилось.

Это не было знакомой ровной струёй. Под стеклом вспыхнул тонкий бледный след, словно кто-то далеко потянул невидимую нить, а ветка едва заметно повернулась, хотя во-

да оставалась неподвижной. Я замерла, увидела короткую линию, уходящую не к соседней чаше, а будто за край комнаты, и в следующий миг всё исчезло.

— Сейчас было, — сказала я, не успев испугаться собственного голоса. — Только иначе, чем в саду, без раздражения и без ощущения людей рядом, словно что-то пришло издалека и прошло мимо. Я не знаю, как показать направление, потому что оно будто не совпадало со стенами, но на секунду стало холоднее возле самого основания ветви.

Элиас сразу поднялся, проверил пластинку и посмотрел на Вереск. За окном прошёл низкий, едва различимый звон, не похожий на тревогу, а затем в стекле дрогнул золотистый отблеск центрального зала. Я обернулась и успела заметить, как свет кристалла внизу на миг стал бледнее, хотя через секунду снова горел ровно.

Преподавательница подошла к окну, а Элиас попросил меня записать всё сразу, не пытаясь объяснить. В его голосе не было паники, но та лёгкая улыбка, с которой он встретил нас, исчезла так окончательно, что мне захотелось вернуть её хотя бы неудачной шуткой. Он поставил возле моей тетради часы, отметил время и негромко сказал Вереск, что учебная пластинка не могла послать такой отклик сама.

Я вывела первые слова, услышала шорох его рукава рядом и вдруг поймала себя на нелепом желании, чтобы он остался возле стола чуть дольше. Где-то в саду вечером должен был ждать Рейнар с новыми рисунками, а здесь на бумаге появ-

лялось объяснение тому, что я боялась даже назвать. Элиас склонился над записью, и я впервые подумала, что путь в эту башню, возможно, окажется гораздо опаснее для моего спокойствия, чем бесконечная лестница, по которой мы сюда поднялись.

Глава 2

На следующее утро выяснилось, что новый дар не освобождает от необходимости чистить котёл. Я стояла у общего стола, завязывала фартук и смотрела на тонкую медную стенку, в которой отражалось моё слегка помятое лицо. После вчерашнего занятия в башне хотелось хотя бы ненадолго почувствовать себя человеком, которому предстоит важное открытие, но госпожа Вереск уже проверяла, не осталось ли на дне следов прежнего настоя.

С Рейнаром мы накануне всё-таки встретились, как обещали. Я показала записи, он выслушал рассказ об Элиасе и не стал задавать вопросов, на которые у меня пока не было ответа, а потом развернул новые рисунки садовой арки. Вечер закончился спокойно, только засыпала я почему-то не под шорох его карандаша в памяти, а вспоминая фразу о человеке, который увидел раньше, чем понял.

— Сегодня готовим основу восстановительного эликсира, — объявила Вереск, остановившись возле доски. — Восстановление не означает, что после первой чашки можно снова бросаться к повреждённому контуру, и не даёт права увеличивать дозу ради впечатляющего результата. Кто запомнит хотя бы это, уже сэкономит лечебному крылу немало сил.

Ника посмотрела на меня, и я ответила ей самым невинным взглядом, на какой оказалась способна. Перед нами ле-

жали четыре свёртка с травами, маленький флакон прозрачной основы и деревянная лопаточка, которую запрещалось менять на металлическую. Ничего необыкновенного в составе не было, если не считать неприятного чувства, что все эти простые вещи успеют рассердиться раньше, чем я разберусь с порядком их применения.

Первые несколько минут всё шло хорошо. Я отмерила воду, прогрела основу и добавила размятые листья в тот момент, когда по краю котла появились мелкие пузырьки. Жидкость стала золотистой, пахнуло знакомой горечью, и я с облегчением подумала, что сегодняшнее утро хотя бы не собирается доказывать мою беспомощность.

Следующий компонент полагалось вводить после уменьшения нагрева. Но у свежего стебля, который я держала в руке, появилось то отчётливое ощущение готовности отдать силу, которому я уже привыкла доверять в саду. Я решила, что растение слишком быстро теряет нужное состояние, сдвинула его с дощечки прямо в котёл и только потом увидела, как по золотистой поверхности расплывается молочное пятно.

— Не мешайте дальше, — сказала Вереск, оказавшись рядом раньше, чем я успела спрятать лопаточку. — Уберите руку от нагрева и расскажите, что именно сделали после третьего шага. Не то, что собирались сделать, а то, что действительно оказалось в котле.

Я объяснила про ощущение и сразу услышала, насколько

жалко оно звучит рядом с ясной строкой рецепта. Преподавательница не повысила голос, но попросила прочитать эту строку вслух, а затем показать, где в ней говорится о состоянии свежего стебля. Нигде не говорилось, и молочная взвесь продолжала плавать передо мной как вполне убедительное замечание о пределах собственной сообразительности.

— Компонент может быть готов, а основа ещё нет, — пояснила Вереск, снимая котёл с подставки. — В саду вы помогаете живому растению, здесь создаёте новую смесь, и у неё уже другие свойства. Восприимчивость полезна, когда вы понимаете, к чему она относится, иначе это просто очень убедительный повод ошибиться.

Мне хотелось сказать, что я именно поэтому и учусь, но я прикусила язык и взялась за разбор. В записи пришлось указать температуру, момент добавления и признаки испорченной основы, после чего Вереск разрешила начать заново из оставшегося сырья. Ника молча подвинула ко мне свой запас чистой воды и попросила в обмен не смотреть на котёл так, будто он испортил мою жизнь из личной неприязни.

Со второй попытки пришлось работать медленнее остальных. Я вслух повторяла порядок, снижала нагрев по отметке и держала готовый стебель в руке столько, сколько требовалось основе, хотя пальцы так и тянулись сделать по-своему. Когда эликсир остался прозрачным, я испытала радость, совершенно несоразмерную размеру маленького флакона, в который перелила результат.

Вереск проверила образец и велела сохранить обе записи, удачную и неудачную. Впереди нас ждали занятия с похожими основами и разными добавками, поэтому пригодится не гордость за один хороший флакон, а способность понять, почему он получился. Я убрала тетрадь, посмотрела на испачканный фартук и поняла, что сегодня у меня уже есть о чём рассказать Элиасу, хотя начинать знакомство с ним с собственного триумфа опять не выйдет.

В башню я поднялась после обеда, успев перед этим зайти к Нике и попросить оставить мне место за ужином. Элиас назначил короткое занятие, а госпожа Вереск согласовала его так строго, словно проверяла не время, а дозировку очередной основы. Я всё равно пришла на несколько минут раньше и задержалась на последнем пролёте, пытаясь объяснить себе, что просто хочу отдышаться до стука в дверь.

На этот раз преподаватель не встретил меня шуткой. Он стоял у окна, записывал показания маленького прибора и поднял голову только после того, как я назвала себя. Но улыбнулся так, будто действительно был рад моему приходу, и неожиданное тепло от этой улыбки оказалось гораздо труднее не заметить, чем нить над учебной чашей.

Элиас рассказал, что вчерашний импульс отметили в центральном зале независимо от нас. Свет ослаб на несколько секунд, тревожных признаков не появилось, и хранители пока сравнивали данные с обычными изменениями нагрузки. Он уже передал описание опыта, не называя предполагае-

мой причины, и мне стало легче от того, что одна странная вспышка не обязана немедленно превращаться в новое ночное спасение.

— А вы сегодня что-нибудь видели? — спросил он, освобождая половину стола от книг. — Только не пытайтесь найти событие ради хорошего начала занятия, отсутствие наблюдения тоже можно записать. У меня когда-то целая тетрадь состояла из убедительных способов написать, что за день ничего не случилось.

Я призналась, что утром наблюдала главным образом собственное поражение перед котлом. Элиас выслушал историю, спросил, позволили ли приготовить основу заново, и после моего ответа поздравил с двумя полезными образцами вместо одного. Потом добавил, что в его первые годы преподавания студенты иногда получали больше знаний из его исправлений, чем из заранее подготовленной части лекции.

Он показал мне старую таблицу наблюдений, где на полях были нарисованы три раздражённых лица. Объяснил, что в тот день пытался определить изменение связи по движению света и уверенно записал чужую ссору, а потом выяснилось: рассердился только он сам, потому что пропустил обед. Я рассмеялась и сразу перестала стесняться перечёркнутого рецепта, который виднелся в моей открытой тетради.

Для занятия подготовили тонкие живые побеги в одинаковых сосудах. Элиас попросил сначала описать обычное состояние, затем отвёл моё внимание коротким разговором и

незаметно изменил направление учебного плетения. Я нашла перемену, обрадовалась, но попыталась объяснить её слишком быстро и вместо движения силы описала собственное волнение от удачного ответа.

— Вот здесь остановимся, — сказал он, положив карандаш возле моей записи. — Вы заметили изменение, это одна вещь, а решили, что оно значит, уже совсем другая. Нам нужно научиться оставлять между ними место, иначе дар начнёт отвечать на вопросы, которых никто ему не задавал.

Я попробовала снова и на этот раз записала только направление и краткость ощущения. Потом Элиас предложил сравнить впечатление с тем, что я испытывала у спорившей пары, и я обнаружила, как мало помню без последующего объяснения. Хотелось добавить уверенности, которой не было, но он терпеливо ждал, пока я скажу, где заканчивается настоящее наблюдение.

Я спросила, когда он перестал видеть связи. Он ответил, что несколько лет назад, и на мгновение замолчал так, будто за коротким числом оставалась дверь, которую не хочется открывать между двумя учебными опытами. Я не стала уточнять, зато заметила, с какой осторожностью он касается старых рисунков, хотя только что совершенно спокойно смеялся над их подписями.

К концу занятия удалось несколько раз различить направление потока без попытки немедленно назвать его настроение. Элиас предложил ещё один короткий опыт, я сама со-

гласилась, и лишь после него увидела, что отведённое время давно вышло. Пришлось поспешно собрать тетради, выслушать его обещание в следующий раз следить за часами и отправиться вниз, чувствуя себя одновременно виноватой и совершенно неготовой пожалеть о лишних минутах.

Рейнар ждал у беседки, разложив альбом так, чтобы на лист ещё падал вечерний свет. Когда я подошла, он поднял голову, посмотрел на башенные часы и убрал карандаш за ухо, не сказав ничего об опоздании. От этого мне стало неловко сильнее, чем если бы он спросил, не пришлось ли спасти преподавателя от бесконечной лестницы.

— Прости, мы задержались на занятии, — сказала я, садясь рядом. — Я собиралась выйти вовремя, потом решила попробовать ещё один опыт и почему-то забыла, что у времени здесь всё-таки есть движение. Если хочешь, можешь сейчас высказаться, я даже не стану спорить о точности формулировок.

— Я пока пытался решить, правильно ли нарисовал эту арку, — ответил он, поворачивая альбом. — Так что у меня было достаточно причин сердиться на кого-нибудь ещё, кроме тебя. Но в следующий раз передай записку через дежурного, а то я уже собирался проверить, не понадобилась ли в башне помощь.

Я пообещала и принялась рассказывать об опытах, забыв о своей осторожности уже на второй фразе. Про побеги, движение силы, старую таблицу с лицами и то, как Элиас объ-

яснил разницу между впечатлением и выводом. Рейнар слушал, иногда задавая вопросы, но при очередном упоминании преподавателя чуть медленнее перевернул страницу, и я заметила это прежде, чем поняла, почему заметила.

— Похоже, тебе понравилось, — сказал он, взглянув на тетрадь у меня на коленях. — Хорошо, что нашёлся человек, который понимает, о чём ты говоришь, без длинной подготовки. Только надеюсь, он не предлагает считать всякую чужую вспышку приглашением немедленно разобраться в человеке.

Я покачала головой и объяснила, что сегодня меня как раз учили не делать этого. Сказала, что рядом с ним ничего не увидела, и сразу пожалела, потому что слова прозвучали не так, как я собиралась. Рейнар посмотрел внимательно, потом неожиданно улыбнулся и спросил, не означает ли это, что теперь нам придётся справляться без удобной подсказки, что именно он ко мне чувствует.

У меня вспыхнули щёки, и он тихо рассмеялся, отвёл взгляд к рисунку и не стал требовать ответа. В этой сдержанной шутке было столько знакомого тепла, что башня на мгновение отодвинулась куда-то далеко. Я положила тетрадь на скамью, попросила показать арку и увидела на листе крошечную фигуру в рабочей куртке, которую он изобразил возле клумбы так естественно, словно она всегда принадлежала этому саду.

Потом мы пошли по дорожке к фонтану. Я рассказала про

неудачный эликсир, и Рейнар с совершенно серьёзным лицом предложил сохранить испорченный рецепт до того времени, когда понадобится убедительно отговорить неприятного посетителя от просьбы о лечении. Я возмутилась, напомнила, что мне вообще никто не разрешает лечить драконов, и поймала его короткий смех, который до сих пор заставлял улыбаться прежде, чем я успевала решить почему.

Возле новой кладки у стены он остановился и провёл пальцами над камнем, не касаясь поверхности. Сказал, что под одним из швов свет идёт неровно, хотя внешне всё хорошо заделано, и спросил, ощущаю ли я здесь перемену. Я попробовала прислушаться к выюнку у основания и заметила слабый повторяющийся толчок, гораздо менее неприятный, чем прежний холод, но совсем не похожий на обычный ровный ход.

Я спросила, как он заметил это с дорожки. Рейнар объяснил, что драконы различают некоторые напряжённые участки в магически нагруженном камне, особенно там, где свет ломается на стыках, но не могут по одному такому следу понять, что происходит с живым проводником. Мы пометили место на моей карте и договорились сообщить хранителю, не пытаясь проверять стену собственными силами.

Впервые за прогулку мне пришло в голову, что наши наблюдения могут пригодиться не по отдельности. Элиас знает старые схемы и умеет задавать точные вопросы, Рейнар видит скрытый шов, а я различаю движение у корней, и каждый

находит то, чего не хватает другому. Я предложила устроить короткое совместное занятие, получила согласие и почему-то сразу почувствовала вину, будто попросила у этого вечера отдать ещё немного времени башне.

Рейнар задержал мою руку перед тем, как мы повернули к корпусу. Спросил, не слишком ли я устала, и я ответила, что пока скорее переполнена всем случившимся, чем измотана. Он кивнул, провёл большим пальцем по моей ладони и сказал, что тогда вечером после следующего урока мы попробуем просто посидеть, не спасая ничего, кроме оставшихся у нас яблок.

Я рассмеялась и некоторое время шла рядом молча. Хотелось рассказать ему, как легко стало в лаборатории, но я уже столько говорила об Элиасе, что впервые решила оставить часть впечатлений при себе. Это было совсем маленькое решение, и всё же, возвращаясь в общежитие, я несколько раз вспоминала его с неприятной ясностью.

Совместную проверку назначили на следующее утро между моими занятиями и Рейнаровой практикой. Элиас встретил нас у отмеченной стены с небольшим ящиком приборов, а помощник хранителя уже ждал рядом, сверяя номер старого канала. Я заметила, что оба мужчины одеты проще обычного, и тут же рассердилась на себя за то, что вообще считаю такие подробности частью исследования.

Рейнар представился, Элиас ответил, и несколько первых минут всё выглядело вполне спокойно. Они обменялись во-

просами о кладке, времени последнего ремонта и расположении живого отвода, не пытаясь выяснить, кто из них важнее для объяснения. Я даже почувствовала облегчение, пока преподаватель не предложил сначала проверить мои наблюдения без подсказки, на каком именно участке дракон видит разрыв.

— Если она уже знает место, независимого результата не получится, — заметил Рейнар, взглянув на карту. — Мы вчера обсуждали его довольно подробно, и я показывал направление. Лучше взять соседние швы для сравнения, а этот оставить как исходное предположение.

Первые пробы не дали ничего необычного. У одного камня Рейнар заметил тонкую внутреннюю трещину, я ощутила ровное движение выюнка, а учебная пластинка Элиаса не показала сбоя. Оказалось, повреждение самой кладки не обязательно влияет на живой канал, и я аккуратно зачеркнула слишком поспешную пометку, прежде чем она успела превратиться в красивую теорию.

На отмеченном вчера участке толчок повторился. Я назвала момент, Рейнар подтвердил, что в глубине шва изменился оттенок света, а на приборе прошла короткая дрожь. Мы повторили наблюдение, подождали ещё раз и впервые получили три совпавших описания одного события, от чего хотелось улыбаться так широко, будто экзамен уже закончился и мне поставили лучшую оценку.

— Возможно, это остаточная подстройка после ремонта,

— предположил Элиас, склонившись к схеме. — Здесь меняли соединение, а живые проводники не всегда сразу принимают новое направление. Если импульс приходит на стык, он может некоторое время отражаться, не указывая на повреждение всей линии.

— Внутри он идёт не от стыка, — возразил Рейнар, показывая чуть ниже. — Свет меняется раньше, чем доходит до нового камня, потом только проходит через шов. Если считать его отражением от ремонта, придётся объяснить, почему след появляется с другой стороны.

Они начали уточнять направление, и я довольно быстро перестала понимать, обсуждают ли одну и ту же вещь. Элиас опирался на схему отвода, Рейнар — на то, что видел в глубине, а из двух точных описаний почему-то получалось всё меньше ясности. Помощник хранителя смотрел то на одного, то на другого с таким усталым терпением, что я неожиданно перестала бояться вмешаться.

— Давайте сначала отметим время, — попросила я, положив карандаш поперёк карты. — Вы говорите о разных концах, а я вообще не умею определить по корням, кто из них считается началом. Если мы дождёмся толчка вместе, а потом покажем каждый своё направление, получится хотя бы одна общая запись вместо трёх уверенных споров.

Рейнар посмотрел на меня, Элиас неожиданно рассмеялся и признал, что заслужил такое замечание. Следующую пробу провели молча, после чего сопоставили отметки на одном

листе и обнаружили, что живой отклик появляется раньше местного изменения света. Помощник хранителя предположил внешний приход по старой линии, а преподаватель сразу попросил не превращать его предположение в заключение без проверки соседних узлов.

Мы закончили вовремя, оставив место под наблюдением сотрудников. Элиас поблагодарил Рейнара за уточнение, тот ответил вполне вежливо, и ни у кого не было явной причины считать утро неудачным. Но когда мы разошлись в разные стороны, я вдруг почувствовала, как сильно устала от желания всё время следить не за стеной, а за выражениями их лиц.

К обеду я почти убедила себя, что излишне усложнила обычный спор специалистов. Ника выслушала рассказ, уточнила, действительно ли речь всё время шла о камне, и я слишком быстро ответила, что конечно. Она не стала развивать мысль, зато потребовала доест суп, прежде чем решать, сколько новых обязанностей можно поместить между травоведением и вечерней прогулкой.

После занятий меня позвали к госпоже Вереск. В её рабочей комнате уже находились Морвина и Элиас, а на столе лежали два коротких сообщения с чужими печатями. Преподавательница предложила сесть и сразу объяснила, что наблюдение у стены передано хранителю, поэтому наше присутствие здесь не означает, что теперь нужно всем вместе отправляться проверять подвалы.

Одно письмо пришло из небольшого учебного центра за северным лесом. Там несколько раз отмечали слабое изменение света кристалла без видимого повреждения защиты, а во втором сообщении описывали похожую перемену у придорожного узла. Морвина попросила меня назвать время вспышки в башне и сегодняшних проб, затем подвинула листы так, чтобы я могла сравнить отметки сама.

Время первого случая совпало с точностью, на которую позволяли рассчитывать разные часы. Со вторым наблюдением всё оказалось сложнее, зато помощник хранителя уже прислал запись о собственном приборе, и три коротких отметки сложились в повторяющийся порядок. Я смотрела на цифры и испытывала странное облегчение оттого, что теперь не требовалось вспоминать, насколько убедительно мне показалась чужая нить в солнечном воздухе.

— Это ещё не доказывает, что причина одна, — сказала Морвина, заметив моё выражение. — Но теперь у нас есть основания спросить о состоянии линий между узлами, а не проверять каждый кристалл так, словно он существует отдельно. Мне хотелось бы отправить сводку ректору сегодня, пока новые сведения не потерялись среди обычных отчётов.

Элиас развернул карту, гораздо более старую, чем те, которыми мы пользовались в саду. На ней от Стоунвика уходили тонкие линии, исчезающие у лесных отметок и снова появлявшиеся возле поселений, а рядом стояли подписи, часть которых выцвела почти до неразличимости. Он объяснил,

что кристаллы могли взаимодействовать через старую сеть, хотя нынешние схемы показывали далеко не все сохранившиеся соединения.

Для начала требовались образцы растений, растущих возле ближайшего лесного отвода. По их состоянию можно было понять, проходит ли перемена через живую почву или достигает Стоунвика другим способом, а Элиас предложил сопоставить результаты с показаниями приборов на обоих концах. Морвина посмотрела на учебное расписание, и по выражению её лица я поняла, что очередная теория сейчас собирается превратиться в вполне определённую работу.

— На этой неделе у вашей группы лесная практика, — сказала Вереск, подвигая ко мне список. — Будете учиться искать нужные травы, собирать их без повреждения корней и составлять описание места, как все остальные. Дополнительные наблюдения сделаем вместе, отдельно от задания, и я очень надеюсь, что после двух опытов вам не захочется объявить себя человеком, которому обычные правила больше не подходят.

Я ответила, что испорченная основа пока достаточно надёжно поддерживает мою скромность. Элиас улыбнулся, записал название лесного участка, а я почему-то особенно ясно увидела его пальцы над картой и вспомнила, как вчера он осторожно держал старый рисунок потока. Мне захотелось спросить, пойдёт ли он с нами, прежде чем преподавательница сама сообщила, что он будет сопровождать группу как

специалист по живым соединениям.

После разговора Морвина задержалась, чтобы дописать сводку, а мы вышли в коридор вдвоём. Элиас спросил, не слишком ли трудным оказалось совместное наблюдение, и я честно ответила, что следить за двумя уверенными объяснениями оказалось сложнее, чем за одной неверной чашей. Он рассмеялся, пообещал в лесу начать с вопросов и сказал, что рад возможности работать рядом, а не только показывать мне старые листы в башне.

Я смотрела на него чуть дольше, чем требовалось для обычного прощания. Потом вспомнила скамью у беседки, обещанные яблоки и Рейнара, который вчера не стал сердиться, хотя ждал, пока я увлечённо разговаривала с другим мужчиной. Попросила Элиаса отпустить меня вовремя хотя бы сегодня, услышала спокойное «конечно» и пошла к саду, с удивлением понимая: мне хочется уйти к Рейнару, но уже совсем не хочется, чтобы этот разговор закончился.

Глава 3

В утро лесной практики Ника застала меня перед открытым шкафом с двумя лентами в руках. Одна подходила к платью, вторая надёжнее держала волосы, и я уже несколько минут пыталась убедить себя, что выбираю исключительно по соображениям удобства. Подруга посмотрела на ленты, на мои тщательно вычищенные ботинки, потом молча положила на кровать старую куртку с глубокими карманами.

— В этой ты хотя бы сможешь наклониться за корнем, — сказала она, принимаясь искать вторую перчатку. — А если надеешься произвести впечатление, советую не падать в первый же овраг, это гораздо действеннее красивого воротника. Кстати, яблоко у тебя на столе осталось со вчерашней прогулки или это уже учебный материал?

Я убрала яблоко в карман и выбрала крепкую ленту. Вчера мы с Рейнаром просидели у беседки до темноты, обсуждая его неудачный рисунок лошади и слишком сладкие здешние пироги. Он грел мои пальцы в ладонях, а сейчас мне было стыдно за то, как внимательно я проверяла в зеркале причёску.

Во дворе госпожа Вереск уже проверяла корзины и садовые ножи. Лена пыталась закрепить на поясе ножны, а Вика жаловалась, что ремень сумки портит ей талию. Мы с Никой получили лопатки из общего ящика и встали рядом с осталь-

ными.

— Сегодня собираем сонную мяту, серебряный лист и вязник для удерживающих основ, — объявила она, когда все перестали шуршать сумками. — Каждая принесёт описание места, по одному правильно срезанному образцу и объяснит, почему оставила соседнее растение нетронутым. Полная корзина без записей будет считаться прогулкой за мой счёт, а я не настолько состоятельна, чтобы развлекать целую группу.

Она раскрыла ящик и показала узкую деревянную пластинку с тремя зарубками. Ею следовало измерять промежуток между срезом и нижней развилкой, чтобы у растения оставалось достаточно почек для восстановления, а не полагаться на уверенное «я всегда так делаю». Потом преподавательница заставила нас различить два сухих стебля на ощупь: у сонной мяты ребро было гладким, у похожей на неё дурманницы — с мелкими крючками, цеплявшимися за ткань.

— На глаз они особенно убедительно похожи к вечеру, — заметила Вереск, протягивая образцы Лене. — Поэтому собирать будем утром, проверять пальцами и подписывать сразу, пока память ещё не придумала вам удобное объяснение. Из дурманницы тоже готовят полезные составы, но на экзамене по успокаивающим зельям я предпочла бы не выяснять, насколько крепок ваш дракон.

Я провела пальцем по гладкому ребру, стараясь запом-

нить ощущение. Недавняя ошибка у котла ещё достаточно хорошо помнилась, чтобы не хотелось хвастаться особенным чутьём, и я записала оба признака в тетрадь. Ника заглянула через плечо и добавила на своём листе, что спокойный дракон и дракон без сознания — разные результаты, за что получила от Вереск неожиданно одобрителный кивок.

Элиас появился у ворот, неся кожаную сумку и короткий футляр с приборами. В распахнутом походном плаще, с чуть растрепавшимися на ветру волосами, он выглядел моложе, чем за столом в башне, и я слишком поздно отвела взгляд. Он поздоровался со всей группой, но, проходя мимо, поинтересовался у меня, готова ли тетрадь к дождю, а я зачем-то ответила, что в отличие от хозяйки она умеет держать себя в руках.

— Тогда поручим ей вести нас обратно, — предложил он, совершенно серьёзно взглянув на застёжку моего чехла. — Я взял копию старой карты, но лес иногда относится к чужим планам без должного уважения. Постарайтесь сегодня записывать и то, что кажется обыкновенным, нам пригодится место, где ничего не происходит.

Я уже собралась спросить, как отличить настоящее отсутствие перемены от собственной невнимательности, когда за его плечом увидела Рейнара. Он разговаривал с Вереск у второй калитки, придерживая под мышкой свёрнутый плащ, и на мгновение у меня в груди стало так тесно, словно я попала на каком-то совершенно очевидном проступке. Потом

он заметил меня, улыбнулся и поднял мою запасную перчатку, которую я умудрилась оставить вчера на садовой скамье.

— Мне поручили сопровождать группу до западного участка, — сказал он, отдавая находку. — Заодно верну имущество, пока ты не заявила, что у нас в саду завёлся вор с неожиданным интересом к шерстяным вещам. Надеюсь, вторая перчатка у тебя есть, потому что в роли учебного дракона на сегодня я не записывался.

Я показала ему вторую и почувствовала облегчение, когда он рассмеялся. Вереск велела нам выдвигаться, Элиас отошёл к голове колонны с картой, а Рейнар пропустил вперёд последних девушек и занял место позади. Пока мы спускались от академии к лесной дороге, я слышала то спокойный голос преподавателя, то шаги дракона за спиной и никак не могла выбрать, к чему прислушиваться внимательнее.

У первых сосен дорожка ещё хранила сухое тепло, но дальше воздух стал влажным и терпким. Под ногами пружинила хвоя, на тонких ветках висели капли, а между корнями теснились листья, которых я не знала даже по рисункам. Я вдохнула глубже и почти сразу пожалела: вместе с запахами навалились десятки слабых ощущений, будто в комнате, где прежде говорил один человек, вдруг заговорили все.

Сначала мне показалось, что это радость от большого леса. Потом я попыталась выделить ближайший куст, но вместо него ощутила мокрый мох, повреждённую бересту и что-то тягучее, уходящее под дорогу. Висок неприятно заныл, а

знакомое желание непременно разобраться заставило меня ещё сильнее вслушиваться в эту путаницу.

— Элара, вы сейчас с нами или уже беседуете со всеми корнями сразу? — спросила Вереск, остановившись у поваленного ствола. — Сядьте на сухой край и посмотрите на меня, а не сквозь меня. Остальные пока найдут на этой стороне дороги три растения из списка, ножи оставьте в ножнах.

Я села, чувствуя себя первокурсницей, которая ухитрилась устать прежде первого задания. Ника положила рядом свою корзину и сунула мне в ладонь холодную флягу, а Элиас присел на корточки чуть поодаль, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. Он не спросил, что именно я вижу, и это неожиданно помогло больше, чем самый участливый вопрос.

— Скажите, где заканчивается ваша перчатка, — попросил он, показав на мою руку. — Потрогайте шов большим пальцем и найдите узелок нитки возле запястья. Не ищите сейчас правильного ощущения в лесу, найдите вот эту неприятную складку, от которой вы недавно обещали избавиться.

Я провела пальцем по грубому шву и вспомнила, как жаловалась на него в башне, застёгивая чехол тетради. От того, что Элиас запомнил такую ерунду, меня охватило совсем другое волнение, зато лесной гул чуть отодвинулся. Я смогла сделать несколько ровных вдохов, почувствовала холод фляги и лишь потом заметила, что Рейнар стоит между мной и

дорогой, молча отводя в сторону ветку, капавшую мне за воротник.

— Теперь выберите то, что уже различаете глазами, — продолжил Элиас, когда я подняла голову. — В башне у нас был один побег, здесь вы решили начать со всего леса и удивились, что он оказался больше чаши. Возьмите ближайший лист, только не срывайте, пусть остальное пока останется без вашего внимания.

Это прозвучало почти смешно, и я впервые за последние минуты улыбнулась. Выбрала маленький лист на краю пня, рассмотрела отверстие, прогрызенное у жилки, и осторожно коснулась черешка через ткань перчатки. Сквозь общий шум наконец проступило ровное слабое тепло, настолько скромное, что я прежде наверняка сочла бы его неинтересным.

Вереск не позволила мне сразу вернуться в строй и сначала заставила назвать признаки растения. Оказалось, это был серебряный лист, один из нужных нам видов, причём ещё слишком молодой для сбора: нижняя сторона почти не посветлела, а край не успел отвернуться от стебля. Я записала это с таким усердием, будто именно способность оставить траву в покое решала мою дальнейшую судьбу в академии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.